

*Ланник Л.В.**

Реакция на Русскую революцию командования германских войск на Востоке в 1917-1919 гг.

Аннотация: Отношение германского командования к русской революции за период март 1917 – апрель 1919 гг. было неоднозначным, неоднократно менялось, однако до сих пор исследователи оценивали его достаточно предвзято, отдавая приоритет политическим аспектам. В ходе Великой войны ОХЛ и военные инстанции имели достаточно прагматический подход, который меняли в зависимости от перемен в стратегической обстановке. Рассматриваемый период можно разделить на 7 этапов, каждый из них обусловлен меняющимися целями и проектами на Восточном фронте. Такие колебания привели в итоге к отказу от активной политики на Востоке вплоть до окончания Гражданской войны в России, а начало нового этапа в марте 1921 г. в позиции военных относительно России связано с деятельностью Г. фон Секта.

Ключевые слова: Русская революция, германская военная элита, политика на Востоке, интервенция Центральных держав в Россию, Людендорф, ОХЛ, Гражданская война, большевики, Г. фон Сект

УДК 94(430)+ 94(47).084.1

Abstract: The attitude of the High German command to the Russian revolution from March 1917 to April 1919 were ambiguous, was continually varied, but researchers still appreciate this phenomenon quite preconceived, they usually give all priorities to the political aspects. During the Great War, the OHL and the military authorities had quite a pragmatic approach, which was transformed depending on the changes in the strategic situation as a whole. The considered period can be divided into 7 stages, each of them due to the changing goals and projects on the Eastern front. Such fluctuations led eventually to the abandonment of an active policy in the East until the end of the Civil war in Russia. Beginning of a new phase in March 1921 in the forming of relation to Russia within the german military elite was connected with supervision of H. von Seeckt.

Key words: Russian revolution, the german military elite, Ostpolitik, the intervention of Central Powers in Russia, Ludendorff, the OHL, Russian Civil War, bolsheviks, H. von Seeckt

В условиях продолжавшейся Великой войны и укрепления негласной военной диктатуры во главе с Верховным Главнокомандованием (ОХЛ), позицию которого определял Э. Людендорф, определяющим для судеб политики Германской империи на Востоке стало восприятие Русской

* *Ланник Леонтий Владимирович* - кандидат исторических наук, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (e-mail: leo-lannik@yandex.ru)

революции именно военными. Особенности менталитета выращенных на К. Клаузевице и графе фон Шлиффене офицеров наряду с бесперспективным стратегическим положением Германии к весне 1917 г. диктовали немедленное воплощение открывавшихся в связи с крушением монархии в России возможностей в резкие перемены в стратегии и политике. За редким исключением составить себе представление об охваченной революцией России (в самом широком смысле этого понятия) представители германской военной элиты не могли, ибо до весны-лета 1918 г. побывали лишь на западных окраинах распавшейся империи. Посему для них Русская революция была тем, что они могли представить себе, исходя из наблюдаемого в разлагающейся русской армии и из подборки самого разного уровня домыслов в донесениях и газетных статьях. Тем не менее, реакция германской военной элиты на Русскую революцию, сколь бы неприязненной и схематичной она ни была, надолго стала основным импульсом трансформации политики на Востоке. Вряд ли удастся отрицать, что в германской историографии Ostpolitik в 1917-1919 гг. до сих пор непревзойденным остается вклад В. Баумгарта, ссылки на которого в данной статье могли бы исчисляться сотнями. С тех пор серия его трудов оказалась дополнена в основном статьями по локальным темам¹ и публикацией ряда новых источников, однако его основную монографию² заменить пока нечем. Поэтому и полвека спустя переиздаются его работы тех лет по различным аспектам истории германской политики на Востоке в 1918 г.³, хотя они были опубликованы уже к концу 1970-х гг. При этом сам В. Баумгарт никогда не ограничивал свои исследования действиями и взглядами лишь военных, хотя и должен был уделять им огромное внимание, исходя из имеющихся источников и условий исследуемого периода.

В российской историографии, имеющей - как и исторические исследования в сопредельных с РФ странах - отчетливую постсоветскую специфику, ситуация также сложная: публикация огромного количества работ и новых источников не привела к появлению аналитических трудов, которые могли бы претендовать на оформление новой, неидеологизированной версии двусторонних отношений в революционные для обеих империй и их лимитрофов годы. Более того, если процесс разложения и распада бывшей Русской императорской армии как на фронте, так и в тылу рассмотрен и проиллюстрирован в трудах по отечественной истории достаточно подробно⁴, то вот обратный эффект – последствия революционных эксцессов для активно контактирующих с гибнущей армией войск Центральных держав описаны явно недостаточно. Однако актуальность данной темы вызвана не только

¹ См., напр.: Nachtigal R. Krasnyj Desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 53 (2005). S. 221-246.

² См.: Baumgart W. *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*. Wien; München, 1966.

³ Масштабное их переиздание с выводом в широкий доступ в Интернете предприняли в Майнце в 2011 г. Готовится к печати и новая публикация источников при его участии: Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehrer? *Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953* / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

⁴ Из массы литературы достаточно назвать: *Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 г. глазами современников. Воспоминания, документы, комментарии* / Сост. С.Н. Базанов. М., 2010; Айрапетов О.Р. *Участие России в Первой мировой войне: В 4 т. Т. 4. 1917. Распад*. М., 2015.

неразрывностью революционной истории России и Германии, сложнейшей структурой их амбивалентного воздействия, но и спецификой историографической ситуации. Следует констатировать чрезмерное смещение в последние 20 лет внимания исследователей на образы войны и революции у солдат, а не командования, на повседневность в окопах, на будни тружеников тыла, различных категорий некомбатантов и так далее, но не командных инстанций, изученных (в отличие от дипломатических и политических институтов) по современным меркам крайне недостаточно. Лишь в последнее время данная тенденция стала до некоторой степени исправляться⁵.

В имеющейся литературе, особенно советской и восточногерманской долгое время господствовали предвзятые оценки позиции и действий германского командования, причем это не только не скрывали, но и подчеркивали, даже в названиях с употреблением разнообразных жупелов и пафосных эпитетов. Примеры названий, делающих необязательным прочтения для общего знакомства с концепцией авторов – «Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus», «Weltherrschaft im Visier»; «Militarismus gegen Sowjetmacht»; «Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution»; «Крах германской оккупации на Украине, Псковщине etc.»; «Непокорившиеся кайзеровскому нашествию» и т.д. Это имело не только методологические (диктат марксистской схемы), но и политические причины, а потому пытались создать видимость исключительно негативного восприятия и готовности бороться с большевизмом и революцией вообще любой ценой, чтобы не поднимать неудобные для советской власти вопросы. Был и обратный эффект намеренного искажения действий германских военных ради доказательства шпионской и диверсионной деятельности большевиков за кайзеровские деньги. Однако контакты с ультралевыми давно уже рассматривались в ОХЛ как одно из средств раскола вражеской коалиции и никакого особого положения Россия в этом отношении не занимала⁶. Позиция Ставки подчинялась логике Великой войны и изменялась вместе с перипетиями этого противостояния вплоть до конца 1918 г., а частично и после этого.

Можно выделить несколько этапов в трансформации реакции командования германских войск. При этом следует подчеркнуть особо, что на разных уровнях эти этапы проходили с разной скоростью, хотя почти всегда в одной и той же последовательности. Это вызвано главным образом разными масштабами целей и анализа, а также личностными факторами. Особое затруднение вызывает и специфика мемуаристики, особенно трудов Людендорфа и Гинденбурга, зачастую написанных с чисто политическими целями, а потому и близко не передающим реакции на события 1917 г., а лишь

⁵ Wolz N. Das lange Warten: Kriegserfahrungen deutscher und britischer Seeoffiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2008; Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung: preußische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg, 1870/71 und 1914-19. Baden-Baden, 2010; Schaar S. Wahrnehmungen des Weltkrieges : Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2014; Sigg M. Der Unterführer als Feldherr im Taschenformat: Theorie und Praxis der Auftragstaktik im deutschen Heer 1869 bis 1945. Paderborn, 2014; Schmitz M. 'Als ob die Welt aus den Fügen ginge': Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn, 2016.

⁶ Достаточно указать, например, на проекты взаимопонимания с французскими радикальными социалистами: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1977. S. 188-191.

транслирующих хорошо обдуманную, позднейшую оценку их, да еще так, чтобы она доказывала прозорливость и несгибаемость воли. Мемуары других представителей германского генералитета помимо присущей им специфики⁷ редко отличаются в лучшую сторону, хотя на каждом из уровней иерархии свой масштаб восприятия глобальных событий. Остались без должного освещения и непосредственные впечатления тех офицеров кайзеровской армии, кому довелось потом сыграть немалую роль в годы Второй мировой, например, А. Кессельринга и фон Клейста. Впрочем, мемуары дипломатов и политиков ничем не лучше, достаточно привести пример интереснейших работ Б. фон Бюлова и Макса Баденского⁸. К сожалению, это отразилось и на в целом высоко профессиональной официальной германской версии истории Великой войны, издаваемой с 1925 г. Рейхсархивом⁹. При всей тщательности работы его коллектива из бывших офицеров Генштаба, создаваемый труд был написан с учетом личных связей внутри военной элиты и ради сохранения репутации как минимум Гинденбурга, а затем и других «непогрешимых» авторитетов, что обуславливалось особенностями политического развития Веймарской республики и Третьего рейха. Лишь к началу Второй мировой войны созрели условия для более объективного изложения событий, без оглядки на еще здравствующих ветеранов и национальных героев, однако еще один глобальный конфликт заслонил недавнюю историю, поэтому ее редактирование не состоялось, а сам проект не был доведен до конца. Следует добавить, что иллюстрации реакций на события из многочисленных использованных мемуаров и опубликованных архивных источников¹⁰ потребовали бы отдельной монографии, а потому в данной статье будет предпринята лишь попытка периодизации, а не подробного изложения нюансов трансформации восприятия Русской революции на протяжении двух лет.

С учетом отмеченных выше особенностей ситуации, рокового несоответствия между уровнем информированности, качеством и скоростью связи между местными и центральными инстанциями, сосуществованием ведомственных информационных каналов, зачастую не только конкурировавших,

⁷ Она стала предметом специального изучения: Breit G. Das Staats- und Gesellschaftsbild deutscher Generale beider Weltkriege im Spiegel ihrer Memoiren. Boppard/R., 1973.

⁸ Machtan L. Autobiografie als geschichtspolitische Waffe. Die Memoiren des letzten kaiserlichen Kanzlers Max von Baden // VfZ. 2013. 61(3). S. 481-512.

⁹ Следует назвать лишь некоторые: Morgen C. v. Meinen Truppen Heldenkämpfe. B., 1920; Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. B., 1927. Bd. 1; Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann: 2 Bde / hrsg. von K.F. Nowak. B., 1929; Mackensen: Briefe und Aufzeichnungen des Generalfeldmarschalls aus Krieg und Frieden / bearb. W. Foerster. Leipzig, 1938; Seeckt H. v., Rabenau F. Bd. 1. Aus meinem Leben 1866–1918. Leipzig, 1938. О специфике военной историографии: Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Die amtliche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002; Ланник Л.В. Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Великой войны в 1920-30-е гг. // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129–144. Событий на Восточном фронте в 1917-1919 гг. касаются лишь 12-й и 13-й тома официальной версии: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914 bis 1918: 14 Bde. B., 1925–1944. Bd. 12, 13.

¹⁰ Важнейшими из них представляются: Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971; Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von Erdmann K.D. Göttingen, 1972; Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / hrsg. von J. Hürter. München, 1998; Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.

но и способствовавших взаимной дезинформации возникает вопрос в правомерности сколько-нибудь четкой периодизации процесса реакции на почти непрерывную флуктуацию, которая естественным образом перенимает значительную часть ее свойств, и сама становясь на грань хаоса. Тем не менее, следует признать возможность периодизации процесса восприятия событий революции в России и на ее окраинах и смены соответствующей стратегии и тактики по меньшей мере на уровне отдельных иерархических структур – имперского правительства, Ставки, морского и дипломатического ведомств. Особое положение занимало Главнокомандование на Востоке, с трудом контролируемое ОХЛ, причиной чему были разгоревшиеся за годы войны сложные личные конфликты и постоянно сказывавшиеся субъективные особенности многих вовлеченных в события офицеров – Э. Людендорфа, М. Гофмана, В. Грёнера, Г. фон Сект и др. Хотя как правило согласование позиции высших имперских ведомств, а также непредсказуемых инициатив кайзера требовало существенных усилий и некоторого времени, оно все же приводило к более или менее обязательным для всех инстанций решениям, фиксируемым на коронных советах или в ходе совещаний ОХЛ с рейхсканцлером¹¹. Таким образом, координация перемены курса в Ostpolitik имела место, хотя разграничить этапы с точностью до 1 дня применительно ко всем ведомствам Германской империи довольно сложно. Кроме того, нюансы восприятия новых направлений в политике на Востоке и претворение их в жизнь провоцируют на уточнение периодизации, выделение особых переходных этапов, своего рода интермедий и пауз, вызванных различными обстоятельствами, в том числе технического характера, что по-своему понятно, однако не вполне соответствует самой сути периодизации, направленной на выделение сравнительно простой структуры в любом многогранном процессе. Исходя из этого (и с поправкой на особую сложность революционных процессов на развалинах Российской империи и на взаимодействие их с логикой ведения Великой войны) было выделено всего 7 – за период около 2 лет - этапов в реакции и действиях германских военных инстанций.

1. Поскольку революция в России была для многих самой ожидаемой неожиданностью, то на первом этапе вполне естественно господствовали недоверие и сбор информации о подробностях революции в тылу, а затем на фронте. В условиях информационной блокады и информационной монополии военных первый этап восприятия революции в России даже в германской Ставке начался не одновременно с решающими событиями в Петрограде, а с некоторым опозданием – 15-18 марта

¹¹ Их тексты много раз публиковались, см., напр.: Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968; Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.

1917 г., когда неясные слухи внезапно сменились открытой и неожиданной для большинства политиков информацией в газетах о случившемся¹².

На этом этапе вскрылась одна из базовых проблем, воздействовавшая на процесс принятия германской стороной решений в течение всего рассматриваемого периода – хронический недостаток не только информации о России и нюансах ее общественно-политической жизни, но и отсутствие специалистов, необходимых для корректного анализа поступающего огромного объема данных. Ведь среди кадровых военных политические навыки и познания были редкостью, тип «политического генерала» был исключением и только нарождался в 1918 г., породив в недалеком будущем истинных «серых кардиналов», К. фон Шлейхера, например. Те же ученые и публицисты, которых полагали знатоками России были не просто предвзяты, их воззрения за десятки лет русофобской пропаганды деформировались так, что взаимопонимания с военными, взгляды которых на Россию отличались редкой однобокостью, достичь было несложно (например, Т. Шиману или П. Рорбаху), но вот анализ и прогностика подменялись убеждениями и прожектерством. В такой ситуации разобраться в хаосе партий, лозунгов, символов и тактических ухищрений разнообразных политических сил было невозможно. Более того, наряду с ощущением непредсказуемости развития событий в России парадоксальным образом сохранялось и убеждение в адекватности сделанной оценки ситуации, как правило поспешной и схематичной. Квалифицированную помощь могли бы оказать представители умеренного крыла социал-демократии, переживавшей как раз в эти недели драму раскола, однако ни о каком конструктивном сотрудничестве даже с последовательными «оборонцами» вроде Шейдемана или Носке у офицерства, выращенного в убеждении, что всякая социал-демократия – это сборище *vaterlandlose Gesellen*, и речи быть не могло, по крайней мере вплоть до пакта Грёнера – Эберта, заключенного под давлением обстоятельств, куда более остро воспринимавшихся германской военной элитой. Тогда, весной 1917 г. должным доверием у ОХЛ во главе с Людендорфом не пользовались даже либералы, хотя Макс Вебер или Вальтер Ратенау, например, могли бы сделать целый ряд проницательных наблюдений и дать ряд советов, более адекватных для попыток оценить перспективы Временного правительства и его истинные цели. Пока же правительство Гучкова – Милюкова посчитали радикально националистическим и империалистическим, а также были уверены в полном его подчинении указаниям старших партнеров по Антанте. Такие выводы были по-своему логичны, однако чрезмерно упрощены. Более точной была оценка ситуации на фронте, где разложение русской армии использовали для эффективной ликвидации Червищенского плацдарма на Стоходе, а также совершенно оправданно отказались от активной пропаганды этого успеха и дальнейших наступательных операций,

¹² Например, Макс Баденский утверждал, что узнал о русской революции случайно, прочитав в газете, причем это буквально на несколько дней опередило некие его важные и якобы перспективные инициативы по достижению сепаратного мира с Россией. См.: Max von Baden. *Erinnerungen und Dokumente*. Stuttgart, 1927. S. 328.

не желая мотивировать русских солдат к обороне Отечества и давать пищу для активно пропагандирующих «войну до победного конца» эмиссаров Временного правительства и молодых русских офицеров социалистических взглядов.

Разумеется, весьма важным для оценки открывающихся перспектив было наличие опыта войны на Восточном фронте, который весьма различался у многих командующих и их начальников штабов. На протяжении всей войны на этом театре военных действий из важнейших представителей военной элиты были только уже упоминавшийся М. Гофман и глава одноименной группы армий престарелый Р. фон Войрш и его начальник штаба полковник фон Хайе (отозванный в сентябре 1917 г. на Западный фронт)¹³.

На данном этапе, как и в ряде последующих в восприятии революционных событий в России военными превалировала «практическая» составляющая: вопреки расхожим утверждениям ОХЛ, Обер Ост и командование армий интересовали не детали политических убеждений новых властителей России, а чисто военные перспективы случившегося переворота. С учетом необратимых решений, принятых незадолго до этого – о начале неограниченной подводной войны или об отходе на «линию Зигфрида», а также их последствий – вступление в войну США и мощный штурм союзниками оборонительной линии немцев - поначалу ожидания были достаточно скромными, о победе на Восточном фронте и речи не было.

Данный, вступительный этап продолжался примерно до 1 мая 1917 г., когда военные стали осознавать, что быстрого перемирия заключить не удастся, а период полной неизвестности относительно будущего русской армии сменяется все более упорными слухами о крупном наступлении в ближайшие недели.

2. С мая 1917 г. среди высшего слоя командиров на Восточном фронте и в Ставке возобладало твердое намерение не столько использовать ослабление боеспособности русской армии, а, наоборот, добиться максимального затишья, в том числе ценой отказа от активных наступательных действий и даже при сознательном замалчивании германских побед. Сохранялась, пусть и все более абстрактная убежденность в возможности и эффективности прямых переговоров с командованием русских дивизий, корпусов, армий и фронтов, доходившая до частичной легализации братаний на фронте¹⁴. Несмотря на блестящее отражение генерального наступления Антанты в ходе «бойни Нивеля», оснований для тревоги оставалось предостаточно: не было сомнений в том, что теперь англичане и французы сделают все, чтобы заставить русских наступать, что для существенно ослабленного в марте-мае 1917 г.

¹³ Их точку зрения на события см.: Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918: 2 Bde. Breslau, 1935-1937. Bd. 2.

¹⁴ Это описывали даже в версии Рейхсархива, авторы которой были не заинтересованы в подчеркивании использования революционного хаоса. См.: Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / hrsg. von Reichsarchiv. Bd. 12. S. 500–501, 504, 506. По официальным данным отдела иностранных армий ОХЛ с 4 апреля по 22 июня 1917 г. прошло 173 официальных встречи с противником. См.: Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. В., 1967. S. 23.

Восточного фронта и переживавшей тяжелый кризис австро-венгерской армии могло быть очень опасно. Таким образом, теперь задача сводилась к тому, чтобы если не сорвать, но по меньшей мере оттянуть и сделать неэффективным предполагаемый мощный натиск революционной армии, боеспособность которой было оценить сложно. Вплоть до начала наступления Керенского по обе стороны фронта не могли предугадать исхода атак бойцов «за новую свободную Россию», а вот постепенный рост технического оснащения русской армии и явное ухудшения качества личного состава германской армии могли привести к неблагоприятному для немцев балансу сил. 1 июля 1917 г., когда фронт австро-венгерской армии в Галиции вновь был прорван, ожидание сменилось следующим этапом.

3. Устойчивость союзных армий и Австро-Венгрии в целом и не только в отношении боеспособности, но и в связи с заразительным примером русских вольностей тревожила германское командование давно¹⁵. Летом 1917 г. последовала первая проверка на опасность «революционной заразы» в ходе возобновления открытых боевых действий. Впоследствии М. Гофман, фактически руководивший Обер Остом с конца августа 1916 г., пытался сделать вид, что «второй Брусиловский прорыв», сопровождавшийся тяжелым поражением австро-венгерской армии и массовой сдачей в плен ее солдат, никаких тревог ему не доставил¹⁶. Он, несомненно, лукавил, ведь прорваны были и германские позиции на других участках Восточного фронта – под Якобштадтом и Крево, а степень разложения войск союзников Германии могла привести к тяжелым последствиям, вдохнув боевой дух в русских солдат. Тревогу германского командования относительно русского наступления доказывают и переброски подкреплений с Запада на Восток¹⁷, ведь к лету 1917 г. ОХЛ стало считать, что французская армия теперь уже долгое время останется неспособной к наступлению¹⁸. Некоторые опасения могли вызывать и попытки русского командования создать по-настоящему мотивированные к продолжению войны части – национальные, ударные, даже женские. Можно было предполагать, что они смогут показать куда большую волю к победе, чем еле обученная и сдающаяся в плен, чтобы избежать ран и гибели крестьянская молодежь.

Обнаружившаяся угроза от русской армии, пусть и решительно парированная за несколько недель, привела к смене стратегии. Теперь была предпринята строго обратная замыслу предшествующего этапа попытка сломить волю русской армии к сопротивлению, а также продемонстрировать качественное превосходство германских войск, чтобы вызвать презрение к революционной солдатне, отвратив колеблющихся от попыток подражать русским свободам. Был

¹⁵ См. напр. меморандум Г. фон Сект Гинденбургу от 22 июля 1917 г.: Meier-Welcker H. Die Beurteilung der politischen Lage in Österreich-Ungarn durch Generalmajor von Seeckt im Sommer 1917 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1968. № 2. S. 87-104.

¹⁶ См. лишь опубликованные после его смерти в 1929 г. К. Новаком: Гофман М. Записки и дневники. М.; Л., 1929. С. 230-232.

¹⁷ Исчерпывающие данные об их масштабах см.: Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010.

¹⁸ Хотя достаточно подробной информацией о мятежах в мае 1917 г. и мерах по их преодолению немцы долгое время не располагали.

взят курс на конфликт ограниченного масштаба, на оптимальное соотношение затрат и результатов. В случае удачи предусматривалось возвращение к переговорам, однако иллюзии о допустимости организованных контактов на солдатском уровне и даже не межсоциалистического диалога на фронте исчезли. В литературе и источниках по данному периоду прослеживается плохо скрываемая тревога командования из-за распространения антивоенной, а в перспективе и антимонархической пропаганды. Растерянность из-за краха надежд на быстрый развал русской армии привела к тому, что в сентябре 1917 г. отказались от наступления в Бессарабии и вообще от наступательных планов на Восточном театре военных действий в связи с лучшими перспективами в Италии и с неожиданным возвращением угрозы со стороны французов¹⁹. В связи с недоверием в военных кругах Германии к успешности повторного большевистского мятежа в столице – вполне естественного и разделяемого большинством политиков и в России, - а также невозможностью оценить масштаб последствий очередной, пусть и насильственной смены состава Временного правительства данный этап продлился примерно до 15-17 ноября 1917 г., когда стало очевидно, что Ленин будет контролировать Петроград и Москву по меньшей мере какое-то время²⁰, а также то, что с конкретными радикальными действиями во внутренней и внешней политике он тянуть не намерен.

4. Вслед за захватом большевиками к 3 декабря 1917 г. Ставки (а не сразу после «Декрета о мире») и с началом подготовки к переговорам состоялось резкое оживление активности в середине ноября – начале декабря 1917 г. Заключение перемирия в Бресте вскоре было дополнено готовностью немедленно признать революционное правительство любого уровня радикальности и влиятельности. Одновременно, однако, предпринимались строгие меры во избежание пропаганды в ходе существенно интенсифицировавшихся контактов между солдатами в условиях перемирия, но желаемого эффекта достигнуто не было. Растущая тревога за лояльность частей и их готовность вновь перейти в наступление, а также поначалу сильно тревожившие масштабы январских забастовок в Берлине и Вене привели к тому, что военные согласились на укрепление сотрудничества с умеренной частью германских социал-демократов, а это в свою очередь сопровождалось их резким размежеванием с большевиками²¹. Наряду с прорывом политики в германскую армию осенью 1917 г., когда было введено своего рода патриотическое воспитание, а Отечественная партия превратилась в крупнейшую политическую организацию страны²², это стало еще одним поводом для переоценки военными опасной

¹⁹ См.: Ланник Л.В. Восточный фронт накануне Октябрьской революции: перспективы Германии // Первая мировая война - пролог XX века. Мат-лы межд. конф. 8-10 сентября 2014 г. Часть I / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. Москва, 2014. С. 82–88.

²⁰ И это вовсе не эксклюзивный скепсис. Одна из виднейших фигур в германских дипломатических кругах К. Рицлер и 14 января 1918 г. считал, что то, что Ленин до сих пор у власти «просто чудо, хотя уже и свершившееся». Впрочем, иллюзии относительно России у него были и до этого: уже 4 апреля 1917 г. он предлагал проект немедленного перемирия с Временным правительством. О его позиции см.: Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972. S. 454ff., 500-503.

²¹ См. статью Л. Хефнера в данном сборнике.

²² См., подр.: Hagenlücke H. Deutsche Vaterlandspartei. Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreichs. Düsseldorf, 1997.

тенденции политизирования солдатской массы²³. После демарша Троцкого в Бресте и фактически продавленного через сопротивление политического и дипломатического руководства Германии решения о возобновлении наступления на Востоке, зафиксированного 13 февраля 1918 г., последовал новый этап.

5. Уверенность в успехе начавшегося 18 февраля наступления германских войск быстро переросла в эйфорию от легких военных лавров весны 1918 г., охватившую не только офицеров, но и генералитет, особенно Людендорфа и его окружение в ОХЛ. Попытка игнорировать опасные последствия не постоянных прямых контактов оккупационной армии с населением западных окраин бывшей Российской империи, молчаливое согласие на возможность большевиков легально действовать на территории Германии. Кажущимся парадоксом является то, что ни убийство графа Мирбаха 6 июля, ни даже убийство генерал-фельдмаршала Эйхгорна 30 июля не стали цезурой в процессе трансформации восприятия революции в России. Несмотря на первоначально резкую и даже истерическую реакцию, особенно среди дипломатов и политиков²⁴, достаточно быстро возобладала прагматичная линия на дальнейшее взаимодействие с большевиками, ведь иного контрагента, признающего условия Брестского мира, в запутанной обстановке Гражданской войны в Великороссии у Германии не было. К середине лета 1918 г., когда после резкого ухудшения положения на Западном фронте, проявившегося 18 июля, Людендорфу уже хронически не хватало времени и сил на попытку осуществлять вездесущий контроль, можно было констатировать полный разлад в позиции командных инстанций различного уровня. С августа 1918 г., судя по опубликованным архивным источникам²⁵, имели место фактически сепаратные, плохо скрываемые действия командиров на местах, направленные на подготовку жесткого противодействия большевизму и налаживанию контактов с антибольшевистскими, а желательными и с антисоциалистическими силами.

Их пытались сдерживать «сверху», чтобы сохранить контроль над процессом подготовки неизбежного разрыва с большевиками, не давая довести до него слишком рано ни Гофману, готовившему захват Петрограда, ни Грёнеру, способствовавшему вербовке в Добровольческую, а тем более в прогерманскую Южную армию офицеров в Киеве, ни Хопману, вступившему в переговоры с Алексеевым, в Севастополе. Тем более болезненным стало для представителей разных уровней военной иерархии, связанных с планированием и реализацией политики на Востоке, состоявшееся-таки заключение Добавочного договора 27 августа 1918 г. И сам момент его заключения, максимально критический для большевиков, и факт необратимости его последствий для дальнейшего балансирования

²³ Успехи Отечественной партии были встречены генералитетом неоднозначно, наряду с восторженными сторонниками были и те, кто был убежден в важности отказа от политики в армии, будь она «справа» или «слева». См.: Ланник Л.В. «Победоносные проигравшие»: германская военная элита в 1914-1921 гг. СПб., 2016. С.

²⁴ Особенно показателен в данном случае пример К. Гельфериха, сделавшего со своей стороны все для открытого разрыва с большевиками и организации их свержения, но не сумевшего продавить свою линию. См.: Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B., 1919. Bd. 3. S. 442ff.

²⁵ В первую очередь имеются в виду указанные выше опубликованные дневники и письма А. Хопмана и П. фон Хинтце.

между различными вариантами продолжения экспансии на Востоке (где важную роль играли проекты внезапного захвата Петрограда и/или Москвы), гарантировали новый раунд недопонимания и возмущения очередным (как им казалось) промахом дипломатов военных эмиссаров в Киеве, Севастополе, Ковно и т.д. В этом убеждении их не мог поколебать даже тот факт, что новый глава германской дипломатии (с 9 июля 1918 г.) П. фон Хинтце был вице-адмиралом, то есть кадровым военным.

Знаменитое признание Людендорфом невозможности выиграть войну и даже нормализовать ситуацию без активных мирных инициатив, последовавшее 29 сентября 1918 г. в связи с выходом из войны Болгарии, означало конец этапа не только во внешней, но и во внутренней политике Германии, став рубежом, по значению не уступающим и 9-му ноября 1918 г. Применительно к политике на Востоке и действиям германских военных это означало предоставление своего рода карт-бланша эмиссарам на местах и признанием невозможности военного диктата даже на Востоке. Таким образом, в пятый этап уложились и кульминация военной диктатуры ОХЛ в формировании курса *Ostpolitik*, и ее деградация.

6. С начала октября в *Ostpolitik* стал сказываться курс Макса Баденского - надежды на взаимопонимание с Антантой за счет антибольшевистского с нею единения. Новый этап характеризовался тем, что теперь военным вновь пришлось учитывать мнение политиков и дипломатов, а П. фон Хинтце, который был способен добиться компромисса между различными ведомствами, был вынужден уйти в отставку. Одновременно активизировались меры по поддержке монархического крыла Белого движения, до того сдерживаемые хотя бы формальными обязательствами по соблюдению Бреста и Добавочного нему договора. Только теперь генералитет мог дать волю своему неприятию большевизма и революционеров вообще, однако для активных действий против «красных» теперь не было сил, да и задачи диктовались не желанием развить триумф, а необходимостью подготовить к выводу германские войска. Следствием этого были разрыв с большевиками по инициативе правительства Макса Баденского (5 ноября 1918 г.), попытки стабилизировать прогерманские режимы в Восточной Европе (особенно гетмана Скоропадского), а также обострение борьбы с поддерживаемыми Москвой партизанами на оккупированных Центральными державами территориях. Последовавший в октябре-ноябре быстрый развал армий Центральных держав, категорическая позиция Антанты, реальная угроза от «Союза Спартака» уже к зиме 1918/19 гг. заставили сосредоточиться на борьбе с большевизмом в самой Германии. Теперь куда важнее была борьба с революцией в Германии, а не в России. Началась тяжелейшая процедура вывода разложившихся германских войск с Востока, порой при неуправляемых из центра контактах с большевиками германских солдатских советов²⁶. Данный этап завершился в конце февраля 1919 г., когда был окончен вывод германских войск

²⁶ См.: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2014.

с Востока²⁷, а продолжавшиеся боевые действия в Прибалтике можно было (хотя бы официально) полагать борьбой исключительно добровольческих формирований причем по соглашению с местными правительствами.

7. С середины февраля 1919 г., когда уже не стало необходимости сложного политического маневрирования с большевиками и все более рассеивались иллюзии содействия Антанты или частичной «амнистии» с ее стороны в обмен на антибольшевистские действия властей Веймарской Германии, был взят курс на вооруженное противостояние с большевиками минимальной ценой и на расстоянии от границ бывшего Второго рейха, какими бы они ни были в условиях Версаля. Для данного этапа характерен упорный отказ рассматривать варианты перемирия, а уж тем более союза с Москвой на официальном уровне. При этом подобные проекты весной 1919 г. и летом 1920 г. высказывались даже националистами, на волне антипольских и вообще антиантантовских настроений. Однако существовала и опасная своим радикализмом и обратная точка зрения, чреватая мятежом фрайкоров в Прибалтике, а затем и в самой Германии²⁸. После подписания Версаля дистанцирование от антибольшевистской борьбы, передача фронта армиям даже враждебных государств-лимитрофов, бойкот любых контактов с враждующими сторонами в России, даже антибольшевистскими, не считая гуманитарных проблем. Формальным окончанием данного этапа можно считать завершение вывода всех войск, включенных в рейхсвер из Прибалтики и с польской границы, где оставались только добровольцы, расформирование ОХЛ к началу июля 1919 г. и отвечавшего за оборону границы на северо-востоке армейского командования «Север», начальником штаба которого долгое время был Г. фон Сект.

Последовал своего рода переходный, «предрапалльский» этап 1919-1922 гг., когда германские военные должны были определиться не только с условиями своего существования в версальских условиях, но и осознать неизбежность будущих контактов с большевиками, как с силой, которая так же, как и они, не заинтересована в версальском миропорядке. Разумеется, отказаться от опыта прямого контакта с революционной Россией и ощущением большевистской угрозы было крайне сложно, однако впредь действия германских военных определяла цель, обязывавшая их рассматривать самые разные варианты. Страстные призывы к международной борьбе с большевизмом, к спасению Германии за счет уничтожения большевизма в его зародыше остались уделом тех, кому в рейхсвере места не осталось²⁹.

²⁷ Из Николаева и Одессы германские войска были вывезены морем на судах Антанты несколько позже, в середине марта. См.: Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrußland 1918/19. Boppard/R., 1973. S. 124ff.

²⁸ См., подр.: Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps / bearb. u. hrsg. von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres: 9 Bde. Bd. 2,3. В., 1937-1938; Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / Науч. ред., пред. и комм. Л.В. Ланника. СПб., 2015.

²⁹ См., напр.: Hopman A. Der Bolschewismus als Weltgefahr. В., 1920; Hoffmann M. An allen Enden Moskau: das Problem des Bolschewismus in seinen jüngsten Auswirkungen. В., 1925; Bischoff J. Der letzte Front. Geschichte der Eisernen Division im Baltikum. В., 1935.

Лишь после установления главенства Секта в рейхсвере (по итогам Капповского путча в марте 1920 г.) и по заключению Рижского мира в марте 1921 г. стал все более заметен очень осторожный поиск будущего военного сотрудничества с уже не столь революционной Россией³⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Айрапетов О.Р. Участие России в Первой мировой войне: В 4 т. Т. 4. 1917. Распад. М., 2015.
2. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 г. глазами современников. Воспоминания, документы, комментарии / Сост. С.Н. Базанов. М., 2010.
3. Гофман М. Записки и дневники. М.; Л., 1929.
4. Ланник Л.В. Восточный фронт накануне Октябрьской революции: перспективы Германии // Первая мировая война - пролог XX века. Мат-лы межд. конф. 8-10 сентября 2014 г. Часть I / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2014. С. 82–88.
5. Ланник Л.В. Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Великой войны в 1920-30-е гг. // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129–144.
6. Ланник Л.В. «Победоносные проигравшие»: германская военная элита в 1914-1921 гг. СПб., 2016.
7. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2014.
8. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968.
9. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново, 2006.
10. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
11. Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehler? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
12. Breit G. Das Staats- und Gesellschaftsbild deutscher Generale beider Weltkriege im Spiegel ihrer Memoiren. Boppard/R., 1973.
13. Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010.
14. Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.
15. Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. von Reichsarchiv: 14 Bde. B., 1925–1944. Bd. 12, 13.
16. Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann: 2 Bde / hrsg. von K.F. Nowak. B., 1929.
17. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1977.
18. Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrußland 1918/19. Boppard/R., 1973.
19. Hagenlücke H. Deutsche Vaterlandspartei. Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreichs. Düsseldorf, 1997.
20. Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B., 1919. Bd. 3. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch. S. 442ff.
21. Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918: 2 Bde. Breslau, 1935-1937. Bd. 2.
22. Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.
23. Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. B., 1927.
24. Machtan L. Autobiografie als geschichtspolitische Waffe. Die Memoiren des letzten kaiserlichen Kanzlers Max von Baden // VfZ. 2013. 61(3). S. 481-512.
25. Mackensen: Briefe und Aufzeichnungen des Generalfeldmarschalls aus Krieg und Frieden / bearb. W. Foerster. Leipzig, 1938.

³⁰ См., напр.: Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново, 2006; Koenen G. Der Russland-Komplex: die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005.

26. Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927.
27. Meier-Welcker H. Die Beurteilung der politischen Lage in Österreich-Ungarn durch Generalmajor von Seeckt im Sommer 1917 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1968. № 2. S. 87-104.
28. Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung: preußische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg, 1870/71 und 1914-19. Baden-Baden, 2010.
29. Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. B., 1967.
30. Morgen C. v. Meinen Truppen Heldenkämpfe. B., 1920.
31. Nachtigal R. Krasnyj Desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 53 (2005). S. 221-246.
32. Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
33. Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Die amtliche Militärgeschichtsschreibung 1914-1956. Paderborn, 2002.
34. Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972.
35. Schaar S. Wahrnehmungen des Weltkrieges : Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2014.
36. Schmitz M. 'Als ob die Welt aus den Fügen ginge': Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn, 2016.
37. Seeckt H. v., Rabenau F. Bd. 1. Aus meinem Leben 1866–1918. Leipzig, 1938.
38. Sigg M. Der Unterführer als Feldherr im Taschenformat: Theorie und Praxis der Auftragstaktik im deutschen Heer 1869 bis 1945. Paderborn, 2014.
39. Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
40. Wolz N. Das lange Warten: Kriegserfahrungen deutscher und britischer Seeoffiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2008.

BIBLIOGRAPHY:

1. Airapetov O.R. Uchastie Rossii v Pervoj Mirovoj voine. 4 Vol. Vol. 4. Raspad. M., 2015.
2. Antivoennye vystuplenija na russkom fronte v 1917 g. Glazami sovremennikov. Vospominanija, dokumenty, kommentarii / ed. By S.N. Basanov. M., 2010.
3. Hoffmann M. Zapiski i dnevniki. M.; L., 1929.
4. Lannik L.V. Vostochnyj front nakanune Oktyabr'skoj revolucii: perspektivy Germanii // Pervaja mirovaja vojna – prolog XX veka. Vol. 1 / ed. by E.Yu. Sergeev. M., 2014. P. 82-88.
5. Lannik L.V. Istoriju pishut proigravshie: stanovlenie germanskoj voennoj istoriografii v 1920-30 gg. // Novaja i novejšhaya istorija. 2014. № 6. P. 129–144.
6. Lannik L.V. «Pobedonosnye proigravshie»: germanskaya voennaya elita v 1914–1921 гг. SPb., 2016.
7. Opisanie poslevoennyh boev germanskich voisk i fraikorov. Vывod voisk s Vostoka / transl. and ed. by L.V. Lannik. M., 2014.
8. Sovetskožermanskije otnoshenija ot Oktyabr'skoj revolucii do zaklyuchenija Rapall'skogo dogovora: 2 Vol. Vol. 1. Ot Oktyabr'skoj revolucii do konca 1918 г. M., 1968.
9. Chernoperov V.L. Diplomatscheskaya deyatelnost' V.L. Koppa v Germanii v 1918-1921 gg. Ivanovo, 2006.
10. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
11. Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
12. Breit G. Das Staats- und Gesellschaftsbild deutscher Generale beider Weltkriege im Spiegel ihrer Memoiren. Boppard/R., 1973.

13. Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010.
14. Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.
15. Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. von Reichsarchiv: 14 Bde. B., 1925–1944. Bd. 12, 13.
16. Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann: 2 Bde / hrsg. von K.F. Nowak. B., 1929.
17. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1977.
18. Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrußland 1918/19. Boppard/R., 1973.
19. Hagenlücke H. Deutsche Vaterlandspartei. Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreichs. Düsseldorf, 1997.
20. Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B., 1919. Bd. 3. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch. S. 442ff.
21. Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918: 2 Bde. Breslau, 1935-1937. Bd. 2.
22. Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.
23. Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. B., 1927.
24. Machtan L. Autobiografie als geschichtspolitische Waffe. Die Memoiren des letzten kaiserlichen Kanzlers Max von Baden // VfZ. 2013. 61(3). S. 481-512.
25. Mackensen: Briefe und Aufzeichnungen des Generalfeldmarschalls aus Krieg und Frieden / bearb. W. Foerster. Leipzig, 1938.
26. Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927.
27. Meier-Welcker H. Die Beurteilung der politischen Lage in Österreich-Ungarn durch Generalmajor von Seeckt im Sommer 1917 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1968. № 2. S. 87-104.
28. Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung: preußische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg, 1870/71 und 1914-19. Baden-Baden, 2010.
29. Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. B., 1967.
30. Morgen C. v. Meinen Truppen Heldenkämpfe. B., 1920.
31. Nachtigal R. Krasnyj Desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 53 (2005). S. 221-246.
32. Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
33. Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Die amtliche Militärgeschichtsschreibung 1914-1956. Paderborn, 2002.
34. Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972.
35. Schaar S. Wahrnehmungen des Weltkrieges : Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2014.
36. Schmitz M. 'Als ob die Welt aus den Fügen ginge': Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn, 2016.
37. Seeckt H. v., Rabenau F. Bd. 1. Aus meinem Leben 1866–1918. Leipzig, 1938.
38. Sigg M. Der Unterführer als Feldherr im Taschenformat: Theorie und Praxis der Auftragstaktik im deutschen Heer 1869 bis 1945. Paderborn, 2014.
39. Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
40. Wolz N. Das lange Warten: Kriegserfahrungen deutscher und britischer Seeoffiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2008.